

О.А. Бурков

Новосибирский государственный педагогический университет

**Мотив строительства в стихах Е. Кропивницкого
и других поэтов Лианозовского круга**

Аннотация: В статье рассматривается мотив строительства или стройки в поэзии Е.Л. Кропивницкого (1893–1979), вокруг которого в конце 1950-х годов сформировалась так называемая Лианозовская группа. Строительство осмысливается Кропивницким и другими поэтами-лианозовцами одновременно на двух уровнях – архетипическом (через обращение к мифу о Вавилонском столпотворении и одной из финальных сцен «Фауста» Гете) и конкретно-историческом: семантика мотива строительства направлена на деконструкцию советской идеологии.

This article deals with Yevgeny Kropivnitsky (1893–1979), an unofficial leader of so called 'Lianozovo group' of poets and artists formed in the late 1950-s, and focuses on a 'construction motif' in his poems. Kropivnitsky and other Lianozovo poets developed the idea of construction in two parallel ways: by appealing to archetypes (through the Tower of Babel myth and one of Goethe's 'Faust' final scenes) and to a specific historical context of the Soviet Union: the construction motif was developed in terms of a de-construction of Soviet ideology.

Ключевые слова: мотив, строительство, Лианозовская группа, Кропивницкий, советская идеология, миф о Вавилонском столпотворении, модернизм, Гете.

Motif, construction, Lianozovo group, Kropivnitsky, Goethe, soviet ideology, myth of the Tower of Babel, modernism.

УДК: 821.161.1+821.0.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Вилюйская, 28. НГПУ, Институт филологии, массовой информации и психологии. E-mail: oleg.burkov@gmail.com.

Поэзия Евгения Кропивницкого, вокруг которого образовалась так называемая Лианозовская группа, примечательна ограниченным набором хорошо различимых тем и мотивов. Все они тесно связаны друг с другом, поэтому рассмотрение одного мотива способно дать представление о целом поэтическом мире Кропивницкого: за разными мотивами часто стоят инвариантные смыслы. Почти все главные мотивы его поэзии имеют отчетливую негативную эмоциональную окраску: обездоленность, пьянство, болезнь, смерть и т. д., но есть среди них и «нейтральные» мотивы, чье наполнение требует отмежевания от привычных для культуры контекстов¹. Одним из таких мотивов является строительство или стройка.

¹ Термин «мотив» трактуется нами с опорой на концепцию А. Жолковского и Ю. Щеглова, как тесно связанный с темой произведения: «С помощью приемов выразительности инвариантная тема писателя воплощается во множестве мотивов, которые также имеют тенденцию к постоянству; эти устойчивые мотивы называются инвариантными мотивами данного автора. Они в свою очередь могут по-разному совмещаться друг с другом. В результате всего этого ветвления и совмещения выражение инвариантной темы оказывается крайне многообразным и изобретательным. Самой последней инстанцией в этом разветвлении и схождении мотивов являются конкретные предметы, набор которых у каж-

Его нельзя назвать одним из центральных – количество текстов, в большей или меньшей степени связанных с мотивом строительства, у Кропивницкого невелико. Но тем удобнее показать то, как Кропивницкий вместе с другими поэтами Лианозовского круга работает с окружающими его культурными контекстами, а также показать некую общность мировоззрения, ставшую, в отсутствии теоретических манифестов главным объединяющим фактором для поэтов-лианозовцев.

Стихотворение Кропивницкого «Строительство» с эпиграфом из «Хвалы человеку» Валерия Брюсова задает основные смыслы интересующего нас мотива:

В. Брюсов, «Хвала Человеку»

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

<...>

Сквозь пустыню и над бездной
Ты провел свои пути,
Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.

<...>

Царь несытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдись, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств, –

Но, отважный, со стихией
После бьешься с грудью грудь,
Чтоб еще над новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

<...>

1906

[Брюсов, 1987, с. 241–242]

Е. Кропивницкий, «Строительство»

*Не стыдись, ты роешь ямы.
В. Брюсов*

Людьми так много наворочено
Строений на земле сырой.
Как много в земь всего вколочено –
И лозунг человеческий: «рой!»

Рой, колоти и приколачивай,
Строй больше, больше, больше строй!
Загромождай, вбивай, вколачивай,
Рой землю, беспощадно рой!

<...>

дого автора также отличается некоторым постоянством» [Жолковский, Щеглов, 1996, с. 19].

Он рад застроить земь строеньями,
Рад всё в бетоны оковать...
С остервененьем и терпеньем
Копает человечья рать.

23 ноября 1952

[Кропивницкий, 2004, с. 340]

В брюсовском гимне цивилизации отчетливо доминирует мажорная тональность. Кропивницкий же берет эпитафию из едва намеченного Брюсовым сомнения в положительном влиянии человека («Множишь тысячи коварств») и, в сущности, повторяет лирический сюжет Брюсова с обратным знаком, в «миноре». На цивилизацию Кропивницкий смотрит крайне пессимистично: конструктивная деятельность оказывается одновременно разрушительной для земли («рой землю, беспощадно рой») и воды («и оковал ее, свободную, бетонами»), тогда как Брюсов представляет те же действия как победу над непокорной природой («Чтоб нервущейся, железной // Нитью землю оплести» и «Молодой моряк вселенной»). Стихотворение Кропивницкого, как нам кажется, представляет собой вариацию на финал «Фауста» Гете, где Фауст так же попирает водную стихию – он умирает во время строительства канала, которое оборачивается рытьем его собственной могилы (эта же амбивалентность созидания-разрушения заложена и у Кропивницкого). Таким образом, первая линия размежевания – через полемику с Брюсовым и реминисценцию из Гете – проведена по всей идеологии модернизма, его пафосу преобразования и поступательного движения человеческой истории.

Другой культурный слой, который Кропивницкий подразумевает и в «Строительстве» – советский. Метафора стройки – одна из центральных как в советской литературе, так и в советском дискурсе в целом. Сама история Советского союза и повседневное содержание жизни советского народа заключалось – согласно этой ключевой идеологеме – в «строительстве коммунизма». Бесконечные фотовыставки, книги, сборники стихов и газетные статьи о «великих стройках коммунизма» окружали Кропивницкого (ровесника Маяковского) всю его жизнь, и, хотя его поэзия примечательна во многом как раз своей «глухотой» и равнодушием к окружающему миру, иногда актуальные для официальной культуры темы находят отражение и у лианозовцев – разумеется, в сугубо отрицательном контексте. Строительство – одна из таких тем, но к ней неизбежно примыкает более общая тема – трудовой энтузиазм и вообще хлещущая через край «витальность» советских людей. Меланхолический взгляд Кропивницкого превращает энтузиазм в суету, а витальность – в свойство, наделенное разрушительной силой:

Жизнь кипит

<...>

Люди строят, люди херят,
Предварительно измеряют,
А как поглядишь потом:
Дом торчит – гигантский дом.

Жизнь кипит, идет работа –
И работа, и забота...
Развлечение – кино,
Упоение – вино
[Кропивницкий, 2004, с. 386].

Снижение оптимизма и энтузиазма советской поэзии выражается на лексическом уровне при помощи смещения семантики слова «бойко», употребленного

в «Жизнь кипит» несколько раз, а в «Строительстве» тот же эффект достигается введением ряда императивов («Загромождай, вбивай, вколачивай»), загромождающих текст и превращающих коммунистический по своему происхождению энтузиазм в «остервенение». С конфликтами, тоской и безнадёжностью связаны для Кропивницкого не только большие постройки, но и самые обычные квартиры:

Какие тяжкие дома,
Какие нудные квартиры.
В них кухни, ванны и сортиры.
Какие нудные дома –
Они угрюмы, как тюрьма.
Поэту в них уж не до лиры
[Кропивницкий, 2004, с. 499].

Многоквартирные дома вызывают у поэта эмоции, противоположные тем, что возникают о «официальных» советских поэтах: новостройки его не вдохновляют, а наоборот – лишают вдохновения. «Экологическая» тема сливается здесь с темой обезличенности, причем обе они являются перевернутыми темами советской поэзии о покорении природы и величии коллектива. Здесь слышится и голос провинциала, так и не привыкшего к многолюдным улицам (Кропивницкий жил в подмосковном поселке Долгопрудный), предпочитающего толпе задушевное общение «душа в душу». Ср. фрагмент из стихотворения крестьянского «поэта-самородка» Ивана Сурикова, чья поэтика во многом очень сходна с поэтикой Кропивницкого (см.: [Бурков, 2011, с. 235–242]):

Все люди, люди!.. тьма людей!..
Но присмотрись, голубчик, строго:
Меж ними искренних друзей
Найдешь, голубчик, ты не много
[Суриков, 1982, с. 186].

Разрушительное цивилизаторство и урбанизм для лианозовцев сочетаются в образе гигантского дома, одном из главных символов советской эпохи, воплощенном в сталинской архитектуре. Его же встречаем в стихотворении Яна Сатурновского 1951 г.:

В некотором царстве,
в некотором государстве,
в белокаменной Москве краснопролетарской
тридцать лет и три года
жили-поживали
старичок со старушкой в полуподвале.
А на тридцать четвертый год случилось чудо:
в переулке,
где ютилась их лачуга,
точно вынутые из улья восковые соты,
от лесов освобовился дом высотный.
И теперь старичок со старушкой,
Проживающие в полуподвале,
за окошком видят Герб Союзный,
за который они воевали
[Сатурновский, 1992, с. 23].

Интонация Сатуновского намного мягче, чем у Кропивницкого: благодаря ассоциации со «Сказкой о золотой рыбке» в стихотворении слышится горькая ирония по поводу чуда, происходящего на глазах у героев стихов, но не затрагивающих их жизнь. Старик и старушка так и остались жить в полуподвале («подвал», «лачуга», «нора», «барак» – частотные слова в стихах лианозовцев). Взметнувшаяся к небесам высотка с союзным гербом как символом победы только подчеркивает ее горечь и противоречивость. Сравним со стихотворением Кропивницкого «Высотный дом», написанным на год позже:

Он живет в высотном доме,
В малой чистенькой хороме,
В первом этаже живет.
А над ним все люди, люди
Громоздятся, злятся, судят:
Ишь какой – внизу живет!

Лезь наверх до изнуренья.
Лифт испорчен – вот мученье!
Ишь какой – внизу живет!
В лавку надо – разве слезешь? –
Слезешь – так назад не влезешь...
Ишь ты черт – внизу живет!

У него над головою
Стадо топчется людское,
А вот он живет внизу!
Захотел – пошел пройтись
Со смазливенькой девицей...
Хорошо тем, кто внизу
[Кропивницкий, 2004, с. 347].

В этих стихах ситуация переворачивается с ног на голову: жильцы верхних этажей, которые, казалось бы, должны чувствовать себя на высоте жизни и социального положения, завидуют скромному соседу снизу, который, кажется, попал в «малую чистенькую хорому» случайно, а стремление забраться повыше оборачивается ссорами, завистью и осознанием тщетности усилий. Как и менее удачное стихотворение «Труба», где рассказывается о строительстве не то одной, не то сотни гигантских, ужасающих своей громадностью труб, «Высотный дом», как и «Жизнь кипит», и текст Сатуновского, апеллирует к библейскому мифу о вавилонском столпотворении, используя его для деконструкции новой, советской, мифологии.

Стройка из поступательного движения истории, прогресса и коллективной трудовой жизни у Кропивницкого переосмысливается как тупая разрушительная работа. Деструктивности стройки посвящено стихотворение «Землечерпалка», в котором перестановка одних и тех же какофонических звукоподражательных глаголов, как переворачивание с места на место пластов земли или глины, повторяет сам принцип работы этой строительной машины:

На шоссе землечерпалка
Рушит землю валко:
Ухает и ахает,
Бухает и трахает.

Неустанно-бойко-скоры
Тяжкие моторы:
Трахают и бухают,
Ахают и ухают
[Кропивницкий, 2004, с. 235].

Мотив рытья земли, восходящий, по нашему мнению, к «Фаусту» Гете (вышедшему в переводе Пастернака в 1953 г.), проявляется и у «младших» поэтов Лианозовской группы.

К «Землечерпалке» Кропивницкого, а также, возможно, нескольким текстам Сапгира из книги «Голоса» («Одиночество», «Анекдот», см.: [Сапгир, 1993]) отсылает одно из поздних стихотворений Игоря Холина, второго поэта Лианозовской группы, которого можно назвать учеником Е. Кропивницкого:

Соцстройка

Палатка
Пилотка
Железнодорожная ветка
Газопроводка
Землечерпалка
Лесосушилка
Бетономешалка
Камнедробилка
Автопоилка
Автопогрузка
Медикаменты
Сваи
Болты
Прокуратура
Проценты
Водка
Старка
Арматура
Электросварка
Жарко
Песок
Глина
Будет плотина
[Холин, 1999, с. 218].

Ряд отдельно стоящих уродливых до комичности советских по своей морфологии слов складывается в квартиру абстрактной «великой стройки», которую можно интерпретировать максимально широко – как метафору советской цивилизации: жаркая и безлюдная пустыня, орошаемая лишь водкой-старкой, с разбросанными по ней орудиями социалистического труда, огражденная плотиной («железным занавесом») от остального мира. От преобразовательского энтузиазма, который развенчивает Кропивницкий, у Холина нет и следа: его стройка существует сама по себе, как мертвая машина. Холин, как и другие лианозовцы, был

очень чуток к советизмам и охотно использовал их в своих стихах, выворачивая наизнанку их казенную стилистику¹. В «Соцстройке» представлено несколько продуктивных в советское время словообразовательных моделей, воплощающих монструозность и какофонию утвердившегося языка и идеологии. В стихотворении не упоминается ни одно живое существо – людей в описываемой реальности замещают их атрибуты (палатка – жилище, пилотка – головной убор, водка – «пища»), а единственное «органическое» слово «ветка» помещено здесь в специфический (инфраструктурный) контекст. Холинская «плотина» также может быть прочитана через финал жизни гетевского Фауста, с той разницей, что перед нами вариант этой трагедии, разыгранный без персонажей, при помощи одних декораций. Безжизненность изображенного Холиным «антимира» можно считать логическим продолжением полного стирания индивидуальности, произошедшего в стихах Кропивницкого.

Мотив строительства в его поэзии подлежит обобщению на более высоком уровне – уровне всего мотивно-тематического комплекса и целого поэтического мира, реконструкция которого составляет нашу перспективную задачу. В качестве предварительных итогов можно сказать, что инвариантной темой его поэзии является старение и умирание, лишаящие для поэта жизнь с ее порывами, усилиями и желаниями всякого смысла. С этой точки зрения, строительство как вмешательство в естественный ход вещей и просто как некое *усилие* становится для Кропивницкого воплощением абсурда и тщеты земного бытия.

Литература

- Бедный Д. Собр. соч.: В 8 т. М., 1965. Т. 7.
 Брюсов В. Я. Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 1: Стихотворения и поэмы.
 Бурков О.А. Поэты круга И. Сурикова и лирика Е. Кропивницкого: тема обездоленности // Русская литература: тексты и контексты I. Warszawa, 2011. С. 235–242.
 Гете И.В. Стихотворения. Фауст. М., 1997.
 Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности. Инварианты – тема – приемы – текст. М., 1996.
 Кропивницкий Е.Л. 736 стихотворений + другие материалы. М., 2004.
 Сапгир Г.В. Избранное. М.; Париж; Нью-Йорк, 1993. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/sapgir1.html>. Дата обращения: 01.03.2011.
 Сатуновский Я.А. Хочу ли я посмертной славы. М., 1992.
 Суриков И.З. Стихотворения. Ярославль, 1982.
 Холин И.С. Избранное. Стихотворения и поэмы. М., 1999.

¹ Ср. с одой Д. Бедного «Пороги»:
 ...Взрывая скалы, землю роя,
 Водой Днепра пороги кроя,
 Мы на плотине Днепроостроя
 Сверхшали подвиг трудовой.
 Темп набирая боевой,
 Мы до конца его не сдали,
 И – средь машин, бетона, стали –
 В работе творчески-живой
 Мы, закаляясь, обрастали
 Мускулатурой волевой
 [Бедный, 1965, с. 105].